

PROJECT MUSE®

Украинская революция 1917–1921 гг.:
мифы современников, образы и
представления историографии

Геннадий КОРОЛЕВ

Ab Imperio, 4/2011, pp. 357-375 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0025>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467015>

Геннадий КОРОЛЕВ

**УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1921 ГГ.:
МИФЫ СОВРЕМЕННОКОВ, ОБРАЗЫ И
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ***

Украинская революция 1917–1921 гг. вошла в историографический дискурс как самостоятельное явление сразу после ее завершения, была маргинализована как концепт в советской историографии и переживает новый ренессанс в постсоветской украинской исторической науке. Мифы и заблуждения всегда были частью осмысления истории революции, и обращение к ним не противоречит исследованию научных парадигм, предпринятому в настоящей статье. Как писал Ролан Барт, “миф — это коммуникативная система, сообщение, соответственно миф не может быть вещью, конвенцией или идеей, он являет собой один из способов обозначения, миф — это форма”.¹

* Автор выражает признательность двум анонимным рецензентам *Ab Imperio* за комментарии и рекомендации.

¹ Р. Барт. Миф сегодня // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика, поэтика. Москва, 1994. С. 72.

На этих страницах я попытаюсь реконструировать мифы современников революции и динамику историографического дискурса, лежащего в основе новейших концепций украинской революции 1917–1921 гг., а также оценить генезис образа революции с позиции национальной парадигмы и имперского контекста.² Для моего анализа важен и советский контекст, поскольку современная историографическая ситуация в Украине характеризуется методологическим плюрализмом, ставшим реакцией на советскую идеологизацию исторического мышления. Любопытно, что конец советского режима и становление постсоветской науки не привели к созданию украинскими историками ни оригинального обобщающего монографического исследования революции, ни радикальных пионерских работ по отдельным ее проблемам.³ Национализация исторического мышления в Украине в 1990-х годах способствовала определенному консерватизму в рецепции исторического опыта и повышенному интересу к политической истории и истории власти.⁴ Применительно к изучению украинской революции это проявилось в неизбежной однобокости взгляда историка, в стремлении продюсировать образ “чужого”, идеализировать “своих” и героизировать вооруженную борьбу. Так, исследования революции легко классифицируются по хронологии существования государственных формаций на украинских этнических (!) землях в 1917–1921 гг. Скажем, в Надднепрянской Украине (Большая Украина, по определению М. Грушевского⁵) историки изучают эпоху Центральной Рады,⁶

² Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. Герасимова и др. Казань, 2004; Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. Москва, 2010; Л. Нагорна. Реінкарнація імперії у наукових дискурсах: криза територіальних типологізацій чи геополітичний синдром? // Регіональна історія України: Зб. наук. праць. Вип. 4. Київ, 2010. С. 95–113.

³ В. Ф. Верстюк. Передмова // Український національно-визвольний рух. Березень–листопад 1917 року. Документи і матеріали. Київ, 2003. С. 5.

⁴ Перечислим наиболее показательные труды по истории украинской революции 1917–1921 гг.: В. Ф. Солдатенко. Україна в революційну добу. Рік 1917. Рік 1918, Рік 1919, Рік 1920: У 4 кн. Київ, 2009–2010; Соборність як чинник українського державотворення (до 90-річчя Акту злуки). Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (Київ, 21 січня 2009 р.) / Відп. ред. Р. Я. Пиріг. Київ, 2009.

⁵ М. С. Грушевський. Велика Україна // М. Грушевський. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1991. С. 157–162.

⁶ В. Верстюк. Українська Центральна Рада. Київ, 1997; Його ж. Українська Центральна Рада: період становлення // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 23–46; В. Ф. Солдатенко, О. М. Любовець. Революційні альтернативи 1917 року й Україна. Київ, 2010.

гетманата П. Скоропадського,⁷ Директорії УНР,⁸ денікинський режим⁹ і др. При цьому із дослідницького вмирення випадає соціальна історія революції, історія антигетманського і антиденікинського крест'янського повстанського руху, революційної повсякденності і т.п. Історія більшовизму і його організацій в Україні до сих пор інтерпретується на основі старої парадигми.¹⁰ Прочтєння революції постсоветськими істориками во многом воспроизводит киевоцентричний підхід сучасних коментаторів, для яких події на периферії не мали принципіального значення і казались малозначимими з точки зору розуміння еволюції влади.¹¹

Очевидно, що така одностороння версія української революції потребує в переосмисленні. Цьому сприяє, в частині, заимствование українськими постсоветськими істориками західних методологічних моделей, що робить їх розуміння національної Української революції більш динамічним (так, в деяких роботах революція осмислюється через взаємодію людини і групи або всього суспільства), породжує інтерес до синхронним історическим міфам як до об'єктам критического вивчення. Іменно з'явлення такого роду робіт свідчить про переорієнтацію дискурсу Української революції 1917–1921 рр. в бік плюралістического розуміння минулого.

⁷ В. Горак. Українська гетьманська держава 1918 року у світлі споминів її сучасників. Київ, 2010; О. М. Любець. Політична опора гетьманату П. Скоропадського. Київ, 2009; Р. Я. Пиріг. Гетьманат Павла Скоропадського: між Німеччиною і Росією. Київ, 2008; Його ж. Гетьманська держава 1918 року: роздвоєна лояльність правлячої еліти // Україна крізь віки: Зб. наукових праць на пошану акад. НАН України, проф. В. Смолія. Київ, 2010. С. 744–753; Р. Я. Пиріг. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. Київ, 2011.

⁸ О. Д. Бойко. Директорія у боротьбі за владу: хід протигетьманського повстання, фактори перемоги // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 років. Вип. 4. Київ, 2009. С. 209–236.

⁹ О. Д. Бойко. Денікінський режим в Україні: державний устрій, соціально-економічна і національна політика // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Вип. 5. Київ, 2010. С. 115–145.

¹⁰ Г. Г. Єфіменко. Взаємовідносини Кремля та радянської України: економічний аспект (1917–1919 рр.) / НАН України. Інститут історії України. Київ, 2008; С. В. Кульчицький. Російська (русская) революція 1917 р.: реальність і міф // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 4–23; Його ж. Російська революція 1917 року: новий погляд. Київ, 2008; Stephen Velychenko. Ukrainians Rethink their Revolutions // *Ab Imperio*. 2004. No. 4. P. 14.

¹¹ В. Верстюк. Український національно-визвольний рух і російська революційна демократія, 1917 р. // В. Верстюк, В. Горобець, О. Толочко. Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси: В 3 т. Т. 1. Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004. С. 414.

Современный дискурс украинской революции 1917–1921 гг. исходит из ее несомненной закономерности в контексте истории Восточной Европы. Сама концепция украинской революции появилась как идея революции во “Втором мире” и была связана с конструированием национальной идентичности и обоснованием исторических прав “не-исторической” нации. История Восточной Европы в этом контексте понимается как пространство имперского капитализма и общественной нестабильности, этнических и религиозных конфликтов.¹² Расширение европейских рамок сравнения может углубить наше понимание украинской революции и национального развития. Показательно, что украинский социолог и современник революции Ольгерд-Ипполит Бочковский указывал на существование, например, “украинско-каталонского параллелизма” в нацистроительстве.¹³ Вопрос о том, каким образом ход украинской революции определялся восточноевропейским и западным контекстом, занимает стержневое место в понимании формирования мифов о ней. Так, современная парадигма украинской революции тесно связана с концепцией “освободительных соревнований”, которая была обоснована в трудах главы Центральной Рады Михаила Грушевского, его заместителя по Раде и председателя генерального секретариата, главы Директории УНР и известного писателя Владимира Винниченко, товарища главы Центральной Рады, краевого комиссара Временного правительства в Галиции и Буковине, а в период гетманата министра иностранных дел, известного историка Дмитрия Дорошенко, члена Центральной Рады и генерального писаря, министра внутренних дел и публициста Павла Христюка, председателя Рады министров УНР периода Директории Исаака Мазепы. В рамках этой концепции в эмигрантской политической среде началась дискуссия между “уенеровцами” и “гетманцами”, связанная с осмыслением причин поражения “освободительных соревнований” 1917–1921 гг.

“Уенеровцами” называли украинских социалистов разных оттенков, которые усматривали главную причину своего поражения в низком национальном и политическом сознании народных масс, в критический

¹² Доклад проф. Ярослава Грыцака “Культура пам’яті у польсько-російсько-українському трикутнику” на конференції “Пам’ять як поле соревнований в польсько-російсько-українському трикутнику”. 03.11.2010. Киев. Украина. Личный архив автора.

¹³ О. І. Бочковський. Вступ до націології. Мюнхен, 1991–1992. С. 92–93.

момент не поддержавших украинскую революцию.¹⁴ Эмигрантская группа “гетманцев”, представлявшая либерально-консервативный лагерь, перекладывала всю вину на тогдашнюю революционную элиту, Центральную Раду и Директорию, где большинство принадлежало социалистам.¹⁵ На этой позиции стояли Вячеслав Липинский – идеолог украинского консерватизма, в период гетманата посол в Вене, Дмитрий Дорошенко и Василий Кучабский – один из организаторов Украинской войсковой организации в 1920 г.¹⁶ Самое удачное воплощение проекта государственного строительства они усматривали в гетманате Павла Скоропадского. Фактически это разделение было отзвуком старого историографического/политичного разделения на “народников” и “державников”, что только способствовало мифологизации революции в эмиграции.¹⁷ Характерно, что эта дискуссия возобновилась в постсоветское время.¹⁸

Кроме этой дискуссии, украинская революция 1917–1921 гг. породила разногласия между надднепрянскими и галицийскими политиками. Парадокс заключался в том, что большинство западноукраинских национальных деятелей верили в отдельность исторического пути Восточной Галиции и в особую траекторию ее вхождения в состав “новой” Европы. При этом они игнорировали соборнические идеалы национальных идеологов “Большой Украины”. Фактически труды всех участников революции 1917–1921 гг. на западноукраинских землях в той или иной форме воспроизводят эту идейно-политическую позицию, особенно в контексте идеи “украинского Пьемонта”. Сформулирован-

¹⁴ І. Мазепа. Україна в огні й бурі революції. Київ, 2003; П. Христюк. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр.: У 4 т. Прага, 1921–1922; М. Шаповал. Велика революція й українська визвольна програма. Прага, 1927.

¹⁵ Я. Грицак. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ, 2000.

¹⁶ Д. Дорошенко. Історія України 1917–1923 рр. Т. 1.: Доба Центральної Ради. Київ, 2002; Його ж. Історія України 1917–1923 рр. Т. 2.: Українська гетьманська держава 1918 роки. Київ, 2002; В. К. Липинський. Листи до братів-хліборобів // Вячеслав Липинский та його доба. Т. 1. Київ, 2010. С. 93–215; Vasyl Kuchabsky. Western Ukraine in Conflict with Poland and Bolshevism, 1918–1923 / Transl. from German by Gus Fagan. Edmonton, Toronto, 2009.

¹⁷ См.: І. Гирич. “Народництво” та “державництво” в українській історіографії: проблема змістового наповнення понять // Молода нація. 2000. Ч. 4. С. 5–30.

¹⁸ В. Клименко. Українська гетьманська держава 1918 року: місце в українській революції // Нова політика. 1996. № 4. С. 61; Ю. І. Терещенко. Гетьманат Павла Скоропадського як прояв консервативної революції // Український історичний журнал. 2008. № 4. С. 19–37.

ная Грушевским, эта идея стала популярной в интеллектуальной среде галицийского общества. Тезис об особой роли Восточной Галиции в истории Украины способствовал становлению в среде западноукраинских политических лидеров представления о своей исключительной государственнической миссии. В эмиграции это представление прочно вошло в мемуары, воспоминания и исторические труды.¹⁹ Как писал известный историк и ученик Грушевского Степан Томашевский,

разница в национально-политическом положении украинцев по ту и другую стороны австрийско-русской границы такова, что небольшой части украинского народа в Галиции, чье национальное самосознание было развито лучше, выпала роль (не первый раз в истории) рассадника политической мысли и национального сознания среди одного из самых больших народов Европы. Идеи, распространявшиеся из Галиции, должны были способствовать политическому и хозяйственному росту всей Украины.²⁰

Итак, основные версии революции сформулировали ее лидеры.²¹ Социалистические и федеративные идеалы ведущего украинского историка имперского периода Михаила Грушевского²² выразились в его понимании революции как борьбы за автономию украинских земель в составе демократической России. Провозглашение независимости было вынужденным актом сопротивления распространению на Украину большевистского режима. Партии левого направления действительно играли видную роль в украинском освободительном движении,²³ и видение революции как шага на пути к “рабоче-крестьянской государственности”²⁴ имело много сторонников. После революции

¹⁹ Kuchabsky. *Western Ukraine in Conflict with Poland and Bolshevism*.

²⁰ С. Томашівський. Галичина. Політично-історичний нарис з приводу світової війни. Б.м.в., 1915. С. 6.

²¹ В. Ф. Солдатенко. Українська революція: концепція та історіографія. Ч.1. Київ, 1997.

²² М. Грушевський. Роковини // Літературно-науковий вістник. 1918. Річник XIX. Т. LXXII. С. 4-6; Його ж. По шкоді // Літературно-науковий вістник. 1918. Т. 172. Кн. XII (грудень). С. 233-243; Його ж. Україна окремішна // Літературно-науковий вістник. 1919. Річник XX. Т. LXXIII. Кн. 1. С. 10-19; Його ж. На порозі Нової України. Гадки та мрії. Київ, 1918; Його ж. Панської України не збудувати! // Громадський Голос. Львів, 1923. 17 листопада. Ч. 41. С. 1-4.

²³ О. М. Любовець. Українські партії й політичні альтернативи 1917 – 1921 років. Київ, 2005.

²⁴ П. Христюк. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр.: У 4 т. Т. 2. Прага, 1921. С. 1, 75.

этот взгляд стал основанием политической идеологии Заграничной Делегации Украинской партии социалистов-революционеров и ее главы Грушевского.²⁵

Менее оригинальным оказался председатель генерального секретариата, а после падения гетманата глава Директории УНР Владимир Винниченко, который в своем труде “Возрождение нации” воспроизвел господствовавшие представления о колониальном положении украинских земель в составе империи (Россия – “тюрьма народов”). Он пытался доказать исключительность Украины, акцентируя внимание на распространении социалистических идей в Европе и России в контексте осуществления мировой революции.²⁶ Павел Христюк, напротив, трактовал украинскую революцию как социалистическую.²⁷ Его линию концептуально развил Михаил Лозинский, попытавшийся увязать революционные процессы в Восточной Галиции с аналогичными процессами на Надднепрянщине,²⁸ при этом подчеркивая роль “украинского Пьемонта” в контексте борьбы за самостоятельность.

Эти мифологемы деятелей революции оказались вытеснены из советской исторической памяти и профессиональной историографии. Понятие “украинская революция” окончательно исчезло из публичного использования в 1930-е годы.²⁹ Его целиком заменила общегосударственная, интернациональная парадигма “Великой Октябрьской социалистической революции”, которая на Украине была несколько модифицирована и расширена – “Великая Октябрьская революция и

²⁵ М. Грушевський. Українська партія соціалістів-революціонерів та її завдання // Борітеся-поборете! Відень, 1920. № 1. С. 1-54.

²⁶ В. Винниченко. Відродження нації. Ч. 1-3. Київ, Відень, 1920; Його ж. Всесвітня революція. Київ, Відень, 1920; Його ж. Лист до класово несвідомої української інтелігенції. Б. м., 1920; Його ж. На той бік. Прага-Берлін, б. р.; Його ж. Українська державність. Відень, Київ, 1920; Його ж. Політичні листи. Київ, Відень, 1920.

²⁷ П. Христюк. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920 рр.: У 4 т. Прага, 1921–1922.

²⁸ М. Лозинський. Галичина в рр. 1918–1920. Прага, 1922.

²⁹ См.: М. Яворський. Програма української національно-демократичної революції у 1917 р., її історична основа та її рухові сили // Червоний шлях. Громадсько-політичний і науковий журнал. 1927. № 2 (47). С. 108-135; № 4 (49). С. 90-116; А. Річицький. Центральна Рада від лютого до жовтня. Нарис з історії української революції. Харків, 1930; В. Затонський. Уривки із спогадів про українську революцію // Літопис революції. 1929. № 4 (37). С. 139-172; Його ж. 3 спогадів про українську революцію // Літопис революції. 1929. № 5-6 (38-39). С. 115-141; Його ж. Із спогадів про українську революцію // Літопис революції. 1930. № 5 (44). С. 140-172.

гражданская война на Украине 1917–1920 гг.”. Именно на фоне этой идеологической переориентации стали выходить исследования и мемуары участников тех событий.³⁰

В 1970–1980-х годах советской наукой был создан целый корпус работ по социальной и экономической проблематике периода гражданской войны на Украине 1917–1920 гг.³¹ Опираясь на эти работы, в 1980-е годы историки просто отказывались от советской интерпретации революции в пользу национальной, не меняя при этом свой подход на уровне глубоко осмысленной методологии. Более того, в конце 1980-х гг. на фоне гласности и исследования “белых пятен истории” актуализировались именно политические аспекты интерпретации украинской революции.³²

По сей день доминирующим в ее оценке остается киевоцентричный взгляд, основания которого были заложены еще деятелями Центральной Рады. После поражения гетманата идея и практики государственного строительства связывались с другими городами, где находились органы тогдашней Директории УНР, и этот процесс миграции органов государственной власти осмысливался как важнейший в революции. Обращение к событиям в украинской деревне чрезвычайно ослож-

³⁰ В. Андрієвський. З минулого. Від гетьмана до Директорії. Т. 2. Ч. I.-II; М. Галаган. З моїх споминів (1880-ті – 1920-ті рр.) / Передмова: Т. Осташко, В. Соловйова. Київ, 2008; О. Назарук. Рік на Великій Україні. Спомини з української революції. Відень, 1920; В. Петрів. Спомини з часів української революції 1917–1921 рр. Ч. 1. Львів, 1927; Ч. 2. Львів, 1928; Ч. 3. Львів, 1930; Ч. 4. Львів, 1931; Є. Чикаленко. Уривок з моїх споминів за 1917 рік. Прага, 1932; М. Омелянович-Павленко. На Україні 1917–1918 рр. Спомини. Прага, 1935; С. Русова. Мої спомини. Львів, 1937; Н. Григоріїв. Спогади Руїнника. Як ми руйнували тюрму народів, а як будували свою хату. Львів, 1938 и др.

³¹ М. О. Буцько, Ю. Ю. Кондуфор. Великий Жовтень на Україні. Київ, 1977; Ю. М. Гамрецький. Інтелігенція і Великий Жовтень на Україні // Український історичний журнал. 1982. № 11. С. 153-166; О. О. Кучер, А. І. Епштейн, П. П. Гудзенко, С. В. Кульчицький, Є. П. Шаталіна. Трудові почини робітничого класу, 1921–1937: На матеріалах УРСР. Київ, 1980; І. К. Рибалка. Великий Жовтень і зміни соціальної структури селянства України (1917–1920 рр.) // Український історичний журнал. 1987. № 11. С. 38-52; Н. И. Супруненко. Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). Москва, 1966.

³² Про минуле заради майбутнього. Київ, 1989; Ю. Ю. Кондуфор. Великий Жовтень і доля інтелігенції (1917–1920 рр.) // Український історичний журнал. Київ, 1989. № 12. С. 3-18; Його ж. Революційні події 1917 р. на Україні: пошук альтернативи // Український історичний журнал. 1990. № 11. С. 10-20; Маршрутами історії. Київ, 1990; В. Ф. Солдатенко. До питання про початок громадянської війни на Україні // Український історичний журнал. 1991. № 7. С. 16-26; Д. Б. Яневський. Маловідомі Конституційні акти України 1917–1920 рр. Київ, 1991.

няло эту историю становления и потери независимой национальной государственности, поскольку крестьяне демонстрировали различные неидеологические стратегии поведения, легко радикализировались и поддерживали ту политическую силу, которая обещала решение земельного вопроса.³³ Низкая политическая культура крестьянства не устраивала тогдашних историографов. Исключение составляли лишь труды Дмитрия Дорошенко, а также министра многих революционных правительств, соорганизатора антигетманского восстания украинского эсера Никиты Шаповала и Исаака Мазепы, которые стремились рассматривать революцию в широком контексте – от развития государственности в целом (Дорошенко) до парадигмы освобождения “неисторических” наций и мировой революции (Шаповал) и анализа социалистического движения (Мазепа).

В эмиграции наибольший вес приобрела интерпретационная модель освободительных соревнований (*укр.* визвольних змагань) как альтернатива большевистской версии Октябрьской революции.³⁴ В этом контексте характерна интерпретация историками диаспоры фигуры главного атамана УНР Симона Петлюры. Этот сторонник левых идей и социалист, чья политика во многом напоминала политику большевиков, в эмиграционных кругах начиная с 1920-х гг. был переосмыслен как либеральный “национал-державник”. Недаром в советские времена клеймо “петлюровец” семантически соответствовало “мазепинцу” и “бандеровцу”. Сегодня же Петлюра является важнейшим столпом нового украинского национального мифа.³⁵ С другой стороны, конкуренты по “освободительному соревнованию” – лидеры Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) – после поражения украинской революции превратились из национал-либералов в советофилов. Некоторые из

³³ В. С. Лозовий. Пошук Директорією ідейно-політичних засад відновлення діяльності УНР // Український історичний журнал. 2000. № 5. С. 33.

³⁴ В 30-річчя самостійності й соборності. Б.м., б.р; С. В. Петлюра. Статті, листи, документи. В 2 т. Нью-Йорк, 1956; Д. Донцов. За яку революцію. Торонто, 1957; С. Збаразкий. Крути: у 40-річчя великого чину 29-го січня 1918 – 29 січня 1958. Мюнхен, Нью-Йорк, б.р; С. Петлюра. Московська воша: Оповідання дядька Семена про те, як московські воші їдять Україну та що з ними треба робити. Париж, 1966; В. Прохода. Симон Петлюра. Новий Ульм, 1968; П. Феденко. Влада Павла Скоропадського (п'ятдесяті роковини перевороту в Україні). Лондон, Мюнхен, 1968; У 60-річчя відновлення гетьманської української держави 29 квітня 1918. Торонто, 1978 та ін.

³⁵ В. Верстюк. Симон Петлюра в історичній свідомості українського суспільства // Симон Петлюра в історії та національній пам'яті / Матер. всеукр. наук. конф. (Полтава, 20-22 травня 2009 р.). Київ, 2009. С. 6.

них в еміграції дійсно активно співпрацювали з більшовиками і були завербовані ВЧК-ГПУ.³⁶

Ети ідеологічні конструкції і трансформації знаходили відображення як в видаваних за кордоном збірниках документів,³⁷ так і в загальних і енциклопедичних працях.³⁸ При цьому після Другої світової війни модель “визвольних змагань” все активніше починає вписуватися в ідеологію постколоніальної боротьби.³⁹ В роки холодної війни українські історики діаспори і мемуаристи активно експлуатували ідеї антикомунізму і осудили політику Радянської імперії (див. праці М. Мироненко, П. Мирчука, М. Стахів і О. Брик і др.⁴⁰).

Іменно в цей період радикальному критичному прочитанню піддаються версії соціалістичної української революції. Труд публіциста і апологета інтегрального націоналізму Романа Млиновецького (Бжеского) став хрестоматійним зразком правоконсервативного дискурсу і політичної ангажованості. Млиновецький напряму обвиняв у поразці революції соціалістичні партії (УПСР, УСДРП, УПСФ):

Іменно ці автономісти, – писав він, – які ортодоксально відстоювали принцип автономії, і тільки автономії, в значитель-

³⁶ О. В. Павлюк. Радянське втручання в Україну: перекази чи примус? // Український історичний журнал. 1997. № 3. С. 109–119; № 4. С. 92–113; І. Я. Соляр. Радянське втручання в Західній Україні (1920–ті роки) // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 55–67.

³⁷ Відновлення Української держави 1918 року. Детройт, 1979; Українська революція. Документи 1919–1921 рр. Нью-Йорк, 1984.

³⁸ Енциклопедія українознавства. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 498–542, 647–653; Т. 9. Марсель – Париж, 1981. С. 3402–3404 та ін.; Ідеї і люди визвольних змагань, 1917–1923. Нью-Йорк, 1968; Н. Полонська-Василенко. Історія України. Мюнхен, 1976 (репр. вид. Київ, 1992). С. 459–487.

³⁹ Див.: М. Ковалевський. При джерелах боротьби. Спомини, враження, рефлексії. Інсбрук, 1960; І. Лисяк-Рудницький. Роль України в новітній історії // І. Лисяк-Рудницький. Історичні есе: У 2 т. Т. 1. Київ, 1994. С. 145–167; Його ж. Четвертий Універсал та його ідеологічні попередники; Українська революція з перспективи сорокаліття; Його ж. Вклад Галичини в українські визвольні змагання // Лисяк-Рудницький. Історичні есе. Т. 2. С. 1–27; 39–51; 52–61.

⁴⁰ М. Мироненко. Українська національна революція. Мюнхен, 1951; П. Мирчук. Українсько-московська війна (1917–1919). Торонто, 1957; М. Стахів. Україна в добу Директорії УНР. Т. 1. Торонто, 1962; Т. 2. Торонто, 1963; Т. 3. Торонто, 1963; Т. 4. Торонто, 1964; О. Брик. Тернистий шлях українського уряду (1918–1921). Вінніпег, 1969.

ной степени ответственны за катастрофу, которой закончились эти соревнования. Очутившись в результате этой катастрофы в эмиграции, они, конечно, использовали часть вывезенных государственных денег на то, чтобы снять с себя ответственность в глазах современников и будущих поколений...⁴¹

* * *

В постсоветском контексте призывы к объективному изучению украинской революции появились в начале 1990-х гг. Знаковой в этом смысле стала статья Юрия Гамрецкого “К изучению национально-освободительного движения на Украине в 1917 г.”.⁴² Исследователь проследил, как с середины 1950-х и до середины 1980-х гг. в официальных изданиях, таких как “Очерки истории КПСС” и др., нарастал негатив в оценке национально-освободительного движения.⁴³ Автор призывал закрыть “белые пятна” в истории украинской революции. Именно этим занялись коллеги Гамрецкого по отделу истории украинской революции 1917–1921 гг. Института истории Украины Академии наук Украины. В течение 1990–2010-х гг. они выявили, проработали и, главное, опубликовали в виде фундаментальных сборников документы Центральной Рады,⁴⁴ украинского национально-освободительного движения 1917 года,⁴⁵ Директории и Рады народных министров УНР,⁴⁶ Рады министров Украинской Державы.⁴⁷ Следует отметить, что в эти

⁴¹ Р. Млиновецкий. Нариси з історії українських визвольних змагань. 1917–1918. Львів, 1994. С. 8.

⁴² Ю. Гамрецький. До вивчення національно-визвольного руху на Україні в 1917 р. // Український історичний журнал. 1990. № 12. С. 60-73.

⁴³ О. Бойко. Проблеми історії Української революції (1917–1921 рр.) в “Українському історичному журналі” // Український історичний журнал. 2007. № 6. С. 87.

⁴⁴ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У 2 т. / В. Верстюк (кер. упор.), О. Бойко, Ю. Гамрецький та ін. Т. 1. Київ, 1996; Т. 2. Київ, 1997.

⁴⁵ Український національно-визвольний рух. Березень – листопад 1917 року. Документи і матеріали / В. Верстюк (відп. ред.), О. Бойко, Р. Пиріг та ін. Київ, 2003.

⁴⁶ Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. 1918–1920. Документи і матеріали. У 2 т. / В. Верстюк, О. Бойко, Р. Пиріг та ін. Т. 1. Київ, 2006; Т. 2. Київ, 2006.

⁴⁷ Рада Міністрів Української Держави (квітень – грудень 1918 року). Документи і матеріали / В. Верстюк, О. Бойко, Р. Пиріг (кер. упоряд.) та ін. Публикация этого сборника задерживается. Исследователи Т. Осташко и С. Кокин готовят к печати сборник документов “Пролог Української революції: ‘Справа ЦК УПСР’”, материалы которого позволят понять сложные перипетии завершающего этапа революции, а также исследовать утверждение большевистский однопартийной диктатуры.

сборники вошли документы, которые никогда не использовались историками зарубежья и диаспоры. Тем не менее концепции этих изданий базируются на интерпретационных парадигмах, предложенных деятелями и современниками украинской революции 1917–1921 гг.

В новейшей историографии продолжается дискуссия с этими парадигмами и мифами. Ее любопытным примером является работа Владислава Верстюка и Валерия Солдатенко “Революции в Украине: политико-государственные модели и реалии (1917–1920)”, вышедшая в фундаментальной серии “Политическая история Украины. XX век. В 6 томах”.⁴⁸ Верстюк склоняется к национальной парадигме осмысления революции, широко привлекая интерпретации непосредственных ее участников. Солдатенко же демонстрирует совершенно иной подход, интерпретируя революцию как выражение настроений большинства нации и результат радикальных социальных трансформаций.⁴⁹

Закономерно, что такие расхождения между известными учеными предлагают более широкий взгляд для осмысления революции. Конструируя историю гетманата П. Скоропадского, историк Руслан Пирог верно утверждает, что украинское государство на этом этапе революции возникло как результат совпадения прагматичных интересов местных консервативно-либеральных кругов и немецко-австрийских союзников.⁵⁰ Такой дискурс свидетельствует о доминировании нациецентрических моделей историописания, на которых сегодня основываются концепции большинства обобщающих работ и учебников.⁵¹ Бесспорно, при этом остаются ученые, которые предлагают новые возможности осмысления украинской революции, новое понимание национального нарратива.⁵²

⁴⁸ В. Ф. Верстюк, В. Ф. Солдатенко. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) // Політична історія України. XX століття. У 6 т. Т. 2. Київ, 2003; Україна: політична історія. XX – початок XXI ст. Київ, 2007. С. 265–312; 392–432.

⁴⁹ См.: Український вибір: політичні системи XX століття і пошук власної моделі суспільного розвитку / В. Ф. Солдатенко та ін. Київ, 2007; В. Ф. Солдатенко. Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні постаті, ключові епізоди. Київ, 2011; Суспільно-політичні трансформації в Україні: від задумів до реалій / В. Ф. Солдатенко та ін. Київ, 2009.

⁵⁰ Р. Я. Пиріг. Гетьманат Павла Скоропадського: між Німеччиною і Росією. Київ, 2008.

⁵¹ См.: Історія України. Навч. посібник. Київ, 2002. С. 210–288; Україна: політична історія. XX – початок XXI ст. Київ, 2007. С. 225–432.

⁵² Я. Грицак. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ, 2000.

Так, львовский историк Ярослав Грыцак интерпретирует историю революции на основе идеи о преемственности освободительного движения народов Центральной и Восточной Европы начиная с 1914 года. Он осмысливает украинскую революцию в контексте нациестроительства и борьбы за государственность:

Как и в случае чехов, словаков, литовцев, поляков, финнов и др., для украинцев революция началась не в 1917, а в 1914 г. В отличие от российской революции 1917–1921 гг., где центральным вопросом являлась замена политического строя в границах уже господствующего государства, национальные революции этих народов преследовали совершенно иную цель – создание собственного государства для нации, лишенной политической независимости.⁵³

Однако обращение к мифологеме национально-освободительной борьбы неизбежно ставит вопрос о готовности украинского общества к созданию государства. Практически все деятели и современники революции соглашались в том, что украинское общество не было готово к такой трансформации. Известный социолог и участник революции О. Бочковский писал по этому поводу: “...с национальной стороны украинский народ не был и не мог быть должным образом подготовлен к этому большому сдвигу”.⁵⁴ Один из лидеров Центральной Рады Сергей Ефремов утверждал, что “полное равнодушие к ближайшему будущему – вот как можно характеризовать положение украинства в последние перед революцией дни”.⁵⁵ Известный украинский востоковед Агафангел Крымский (1871–1942) утверждал, что в начале XX в. “украинский вопрос” оставался для масс *terra incognita*.⁵⁶ И даже современный историк Верстюк утверждает, что “о массовом национальном сознании до 1917 г. нужно говорить очень осторожно”.⁵⁷

Эта точка зрения кажется убедительной. Очевидно, что многие лидеры революции были социалистами, а уже потом националистами и

⁵³ Там же. С. 103.

⁵⁴ О. Бочковский. Вступ до націоналії: Курс лекцій. Легенсбург, Франкфурт, 1947. С. 156.

⁵⁵ С. Ефремов. Стаття “Пів року”. 27, 29.08.1917 р. // Український національно-визвольний рух. Березень – листопад 1917 року. Документи і матеріали. С. 702.

⁵⁶ А. Крымский. Что такое современное украинство? Научное исследование начала XX столетия // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского. Ф. 36. Д. 660. Л. 2.

⁵⁷ В. Ф. Верстюк, В. Ф. Солдатенко. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) // Політична історія України XX століття. Т. 2. С. 456.

обуславливали возможность национального государства проведением социальных и экономических трансформаций. Нациестроительство периода 1917–1921 гг. выражалось в борьбе за решение земельного вопроса и обеспечение гражданского равноправия.

В связи с ревизией национального и государственнического прочтения украинской революции возникает и необходимость ревизии старой дискуссии о роли в ней западноукраинских земель. Западно-украинская народная республика (ЗУНР) позиционировала себя как диктатура аристократических и интеллигентских слоев общества. В современных работах ЗУНР рассматривается в контексте вооруженного и геополитического конфликта между Польшей и большевизмом.⁵⁸ Именно этот конфликт сыграл решающую роль в ликвидации западно-украинской государственности. При этом собственно провозглашение независимости Западной Украины рассматривалось и рассматривается как удачный пример реализации национального проекта⁵⁹ – западного (европейского) и либерально-консервативного по своему характеру. Распространению подобных оценок способствовали оккупация Галиции российской императорской армией в 1915 г. и влияние украинской грекокатолической церкви на формирование галицийской идентичности.

Одним из ярких творцов мифа о западноукраинской национальной государственности был канадский историк украинского происхождения Иван Лисяк-Рудницкий. Анализируя вклад Галиции в “освободительные соревнования”, он выделял целый ряд факторов: во-первых, религиозная ситуация в регионе, которая укрепляла в западных украинцах чувство национальной особенности. Почти все галицийские украинцы, за незначительными исключениями, принадлежали к грекокатолической церкви. Восточный обряд четко отличал их от поляков, а подчиненность Риму защищала от влияния Русской православной церкви. Другим преимуществом освободительного движения в Галиции было то, что оно действовало в условиях габсбургской конституционной монархии, имело политический опыт и политиков, искушенных в парламентской борьбе. Третьим фактором стала помощь, которую галицийское движение получало из Надднепрянской Украины. Эти контакты меняли

⁵⁸ Л. Цегельський. Від легенд до правди: спомини про події в Україні, зв'язані з першим листопадом 1918 р. Львів, 2003; Vasyl Kuchabsky. Western Ukraine in Conflict with Poland and Bolshevism, 1918–1923.

⁵⁹ І. Лисяк-Рудницький. Вклад Галичини в українські визвольні змагання // Його ж. Історичні есе. Т. 2. С. 56.

мировоззрение его представителей, способствовали преодолению узкого провинциализма и превращали национальную идеологию во всеукраинскую.⁶⁰ Эти аргументы широко использовались представителями консервативного (“государственнического”) лагеря во время упомянутой выше дискуссии по поводу причин поражения украинской революции, до того как были синтезированы Лисяком-Рудницким.

Заложенные в 1920-х гг. представления о либерально-консервативном характере западноукраинского освободительного движения господствуют в историографии и по сей день. В работах 1990-х годов миф об “украинском Пьемонте” трансформировался в идею национальной соборности, которая лежит в основе новой интерпретационной парадигмы революции в Восточной Галиции, Северной Буковине и Закарпатье.⁶¹ Видимо, дальнейшие исследования должны критически переосмыслить эти мифологемы, обратившись к социальным аспектам движения в Западной Украине и к включению в фокус рассмотрения фактор многоэтничности и поликультурности ее населения.

Пока же основные подходы историков направлены на изучение различных тем: взаимоотношения между Центральной Радой и Временным правительством рассматриваются в контексте украинско-российских (национальных) отношений,⁶² генезис гетманата Скоропадского освещается в связи с немецким военным и российским постимперскими факторами,⁶³ существование Директории УНР реконструируются в контексте отношений с ЗУНР (после провозглашения Акта воссоединения 22 января 1919 г. – Западная область УНР) и подписания Варшавского договора 22 апреля 1920 г.⁶⁴ Показательно, что исследователи обходят

⁶⁰ Там же.

⁶¹ М. Гуцуляк. Перший листопад 1918 року на західних землях України. Київ, 1993; М. Кутуляк. Галичина: сторінки історії. Нарис історії суспільно-політичного руху (XIX ст. – 1939 р.). Івано-Франківськ, 1993; Б. Й. Тищик, О. А. Вівчаренко. Західноукраїнська Народна Республіка (1918–1923): До 75-річчя утворення і діяльності. Коломия, 1993; М. Р. Литвин, К. Є. Науменко. Історія ЗУНР. Львів, 1995; С. А. Макаруч. Українська республіка галичан. Львів, 1997; В. О. Кондратюк, В. Л. Рагульський. ЗУНР: становлення і захист завоювань (1918–1921 рр.). Львів, 1998; О. Красівський. Східна Галичина: Польща в 1918–1923 рр. Проблема взаємовідносин. Київ, 1998; О. Добржанський. Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці, 1999.

⁶² В. Верстюк. Українська Центральна Рада. Київ, 1997.

⁶³ Р. Я. Пиріг. Гетьманат Павла Скоропадського: між Німеччиною і Росією. Київ, 2008.

⁶⁴ В. Ф. Солдатенко. Осінь 1919 р.: доля об’єднаного фронту // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 11-28.

стороной содержание и последствия для украинской государственности Рижского мира 18 марта 1921 г., но отмечают решение Парижской мирной конференции о передаче Восточной Галиции восстановленной Польше, забывая об аналогичном решении Петлюры в соответствии с условиями Варшавского договора.

Предложенная Грицаком ревизия хронологии революции, хотя и не выглядит бесспорной, также заслуживает внимания. Собственно, вопрос о хронологии в трудах участников революции носил чисто политический характер и напрямую зависел от личных убеждений и оценок их автора. Винниченко утверждал, что в январе в 1919 г. революционный потенциал уже исчерпал себя, что, очевидно, было связано с его последующей отставкой как главы Директории УНР в начале февраля 1919 г. Генеральный секретарь межнациональных дел и член Центральной Рады (1917), член делегации УНР на Парижской мирной конференции Александр Шульгин считал переход войск УНР за реку Збруч в ноябре 1920 года политическим поражением переломного характера, после которого начинается качественно новый этап национальной борьбы, связанный с эмиграцией.⁶⁵ Экс-председатель Рады народных министров УНР Исаак Мазепа в своем труде “Украина в огне и буре революции 1917–1921” конечной датой революции считал 1921 г. Из деятелей Надднепрянщины только Дмитрий Дорошенко отодвигал ее до 1923 г. Нет единодушия по поводу хронологии революции и среди нынешних украинских историков: специалисты Института истории Украины НАНУ придерживаются хронологических рамок,⁶⁶ предложенных И. Мазепой, в то время как отдельные историки указывают 1917–1920 гг.⁶⁷

Анализ диссертационных работ постсоветского периода (к началу 2011 года их насчитывалось более 500⁶⁸) свидетельствует об определен-

⁶⁵ О. Шульгин. Без території. Ідеологія та чин уряду УНР на чужині. Автентичне відтворення вид. 1934 р. Київ, 1998. С. 20.

⁶⁶ Структурное подразделение Института истории Украины НАН Украины носит название “Отдел истории Украинской революции 1917–1921 гг.”, сотрудники которого издают украинское периодическое издание, посвященное этой проблематике – “Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 років”, главным редактором которого является профессор Руслан Пирог. В декабре 2010 г. вышел очередной номер сборника: http://www.history.org.ua/index.php?urlcrnt=LiberUA/select_PDF_seria.php&isbn=revol_2010_5.

⁶⁷ В первую очередь, это касается представителей научной школы профессора В. Ф. Солдатенко, директора Украинского института национальной памяти.

⁶⁸ Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 1991–2001 р. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Вип. 1.

ной регионализации исследований украинской революции. Киевские историки отдают предпочтение общим политическим и социально-экономическим проблемам; луганских интересуют вопросы международных отношений в 1917–1922/23 гг.; днепропетровских – крестьянское движение и теоретические вопросы революции; львовских – история ЗУНР и другие вопросы западноукраинского освободительного движения начала XX ст.; крымских – история политических партий, что является следствием живучести там советского историографического канона. Региональных историков объединяет только интерес к изучению революционных деятелей, однако при этом Львов, Киев, Харьков, Крым и другие города и регионы имеют свои собственные пантеоны. Региональному присвоению не подвергся только известный предводитель анархистского крестьянского движения Нестор Махно – он не стал популярным героем среди историков его родного Запорожья. Такое распадение важнейшего события украинской истории (украинской революции) в работах молодых историков может свидетельствовать как о специализации и научной профессионализации исследований, так и об отсутствии единого исторического самосознания в современной Украине.

* * *

В этой связи перспективным представляется изучение самого процесса мифологизации украинской революции, переплетения политики памяти и историографических тенденций. Не случайно украинская революция 1917–1921 гг. занимает одно из приоритетных мест в исследовательской программе Украинского института национальной памяти.⁶⁹ Мифы революции стали местами памяти в том смысле, в каком писал о них Пьер Нора: с одной стороны, возвращение к ним имеет сугубо историографический аспект как момент рефлексивного осмысления историей как дисциплиной самой себя; с другой – мы наблюдаем конец определенной традиции памяти.⁷⁰

Київ, 2002. С. 279–294; Дисертації з проблем Української революції, захищені в Україні протягом 2001–2006 рр. // Там само. Вип. 2. Київ, 2007. С. 244–255. По моїм підсчетах за період 2006–2011 гг. були захищені 172 дисертації, із них 25 докторських.

⁶⁹ В. Верстюк, В. Скальський. Українська революція 1917–1921 рр. в політиці формування національної пам'яті в 2007–2010 рр. // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 рр. Вип. 5. Київ, 2010. С. 5–23.

⁷⁰ П. Нора. Проблематика мест памяти // <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
Дата посещения: 29.10.2010.

Не менее интересным выглядит перспектива рассмотрения украинской революции в рамках современной постколониальной модели, которая позволяет учитывать различные субалтерные группы населения и избегать однозначных оценок и этнонациональных интерпретаций.

Современная историографическая ситуация характеризуется отсутствием общего языка переосмысления старых мифов и очень высокой степенью политизированности истории в Украине, что обеспечивает воспроизводство нарратива революции как прерванного государственнического политического проекта “неисторической” нации. Попытки критики этого нарратива нередко приводят к обвинениям в непрофессионализме. Тем не менее сегодня можно говорить о принципиальной гетерогенности исторического дискурса, в котором одновременно присутствуют оригинальные революционные мифы в первозданном виде, клише старой историографии и изощренные методологические подходы новой. Более того, в старых мифах обнаруживаются новые аспекты, которые игнорировались ранее. Например, в “Воспоминаниях” Скоропадского наряду с традиционными для национального мировоззрения положениями о самостоятельности Украины стали обращать внимание на критику западноукраинского компонента украинской идентичности (речь идет об утверждении Скоропадского, согласно которому тяготение к Галиции и галицийскому мировоззрению “привело бы нас к духовному и физическому обнищанию”⁷¹).

Фактом остается то, что само понятие “украинской революции” было творением ее современников и участников, которые решали как задачи собственной легитимации, так и задачи осмысления украинского исторического опыта в доминантных идеологических контекстах довоенной и послевоенной Европы, пытаясь при этом предложить свой особый язык и толкование политических катаклизмов в регионе в начале XX века.

SUMMARY

In his essay, Hennadii Korolev analyzes the multiplicity of historiographical approaches toward the legacy of the Ukrainian revolutionary era. He demonstrates that these diverse representations are rooted in memoirs and historical texts written in the immediate aftermath of the revolution by its

⁷¹ П. Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 132.

participants. These individuals, Ukrainian émigré politicians, interpreted Ukraine's failure to become a full-fledged autonomous nation-state based on their respective ideological convictions. In Soviet Ukraine, however, the theme of the Ukrainian revolution as a phenomenon in its own right was marginalized. Nevertheless, Korolev argues, the legacy of Soviet historiography is still tangible to this day, since the majority of studies of the revolutionary era produced in Ukraine after the dissolution of the Soviet Union have been written in opposition to the Soviet ideological paradigm. The author compares various contemporary historiographical approaches to the revolution and points out their common shortcomings, first of all, a methodological bias toward political history and a geographical one toward events in Central Ukraine and Kyiv in particular. He concludes by calling for a reassessment of traditional myths, and outlines some promising directions for future research, such as studying the revolution in the politics of memory context and postcolonial paradigm, which would allow for a departure from ethnic biases and oversimplifications.